

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.7>

Кравченко Галина Валентиновна

[Нэп на Дону, Кубани и Ставрополье \(политический и социально-экономический контекст\)](#)

Цель исследования - выявление социально-экономического и социально-политического контекста на Юго-Востоке в условиях нэпа, с которым вынуждена была считаться центральная власть, моделируя свой курс. Научная новизна заключается в изучении нэпа на микроуровне (региональная специфика), а также рассмотрении не только одностороннего влияния центра на регион, но и возможности взаимовлияния. В результате исследования обоснована специфика сценария реализации нэпа в регионе: введение единого проднаряда, переход к нэпу растянулся на два года, рыночные отношения стали проводиться с 1923 г. Партийно-советские структуры осуществляли курс на унификацию сельского населения, подавляли движение "бело-зелёных" (до осени 1924 г.), сохраняли чрезвычайные органы (ревкомы, посевкомы).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/7/7.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 39-44. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/7/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.7>

Дата поступления рукописи: 14.05.2020

Цель исследования – выявление социально-экономического и социально-политического контекста на Юго-Востоке в условиях нэпа, с которым вынуждена была считаться центральная власть, моделируя свой курс. **Научная новизна** заключается в изучении нэпа на микроуровне (региональная специфика), а также рассмотрении не только односторонне влияния центра на регион, но и возможности взаимовлияния. **В результате** исследования обоснована специфика сценария реализации нэпа в регионе: введение единого проднаряда, переход к нэпу растянулся на два года, рыночные отношения стали проводиться с 1923 г. Партийно-советские структуры осуществляли курс на унификацию сельского населения, подавляли движение «бело-зелёных» (до осени 1924 г.), сохраняли чрезвычайные органы (ревкомы, посевокмы).

Ключевые слова и фразы: Дон; Кубань; Ставрополье; новая экономическая политика; продналог.

Кравченко Галина Валентиновна, к. ист. н.

Ростовский государственный университет путей сообщения
gvkravchenko@yandex.ru

Нэп на Дону, Кубани и Ставрополье (политический и социально-экономический контекст)

Актуальность изучения новой экономической политики связана с обобщением опыта выхода из кризисной ситуации, применимого сегодня. Изучение 20-х годов XX в., периода перехода и трансформации, актуально в связи с поиском механизма социальной саморегуляции общества. И наконец, региональное измерение нэпа является перспективным направлением в историографии. Целостное представление о процессах, происходивших в 1920-е годы, даёт изучение периода нэпа на региональном уровне.

Многоплановость аспектов осмысления новой экономической политики на Юго-Востоке предполагает необходимость очертить круг наиболее важных исследовательских **задач**: изучение региональной специфики сценария воплощения нэпа в жизнь; рассмотрение проблемы, касающейся тормозящего влияния голода 1921-1922 гг. на процесс вхождения деревни в нэп, практики и механизма сбора продналога в казачьих станицах; выявление социально-классовой природы происходивших процессов.

Теоретическая база. В ходе исследования осуществлялись поиск, сбор, изучение и введение в научный оборот документальных источников по проблеме. Основой послужили архивные документы, извлечённые из фондов Государственного архива Ростовской области (ГАРО) и Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), анализ которых позволил обогатить авторскую трактовку. Используются опубликованные документальные материалы [7; 26; 27]. Самостоятельную группу источников составили периодические издания.

Методологической основой послужили историзм, объективность и всесторонний анализ.

Хронологические рамки исследования включают период 1921-1929 гг. – от введения нэпа на X съезде РКП(б) до ликвидации политико-административными методами. Масштабность чрезвычайных мер в хлебозаготовках 1928 г. не является достаточным основанием для выделения завершения нэпа. Окончание новой экономической политики целесообразно связывать со сплошной форсированной коллективизацией.

Географические рамки охватывают пределы историко-культурных регионов: Дона, Кубани и Ставрополья.

Юг России обладал спецификой: южная пограничная окраина России, преобладающее сельское, казачье население, сословные противоречия, сложное землеустройство. В результате советской власти противостояло повстанческое казачье-крестьянское «бело-зелёное» движение. Именно с учётом этих особенностей важно осмыслить всю сложность социально-экономических и общественно-политических процессов в регионе в период нэпа. Новая экономическая политика и её последствия стали предметом исследования, и историографию по проблеме можно разделить на четыре периода. Изучение нэпа началось в работах его современников, идеологов правящей партии (В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин), политических оппонентов большевиков – социалистов и либералов (Б. Д. Бруцкус, В. М. Чернов, Ф. И. Дан), учёных-экономистов (Ю. Ларин, Е. А. Преображенский, Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов), которые имеют историографический характер и одновременно являются историческими источниками. В двадцатые годы XX века были опубликованы первые исследования, посвящённые изучению аграрной специфики Юга России [13; 14; 23; 25; 33], сделан вывод об «осереднячивании» казаков. Во втором периоде историографии (1930-е – сер. 1950-х) отмечался диктат сталинизма. Нэп оценивался как вынужденное отступление [21, с. 151], в русле господствующей методологии отождествлялась классовая и сословная борьба [33, т. 1, с. 132]. В третьем, более плодотворном, периоде (середина 1950-х – середина 1980-х) вышел ряд работ, содержащих новаторские выводы о недопустимости сведения нэпа к «отступлению социализма» и хозяйственным мерам (Э. Д. Осолкова) [21]. Важность дифференцированного подхода к «коренным крестьянам» и иногородним обосновывалась А. И. Козловым [10]. Четвёртый период в историографии проблемы можно разделить на два этапа: середина 1980-х до начала 1990-х; начало 1990-х по настоящее время. В советской историографии середины 1980-х – начала 1990-х нэп изучался как положительный опыт рыночных отношений. В современной постсоветской историографии на основе методологического плюрализма расширилась проблематика: изучается рыночный компонент нэпа, деформации советской политической системы, повседневность, региональное измерение. В работах Е. Г. Гимпельсона, В. С. Измолик, Н. Б. Лебиной, И. Б. Орлова обращалось внимание на разномыслие в идеологической сфере, неприятие большевиков обществом [4; 9; 19]. Комплексный анализ социально-политического развития Дона, Кубани

и Ставрополя в период 1921-1929 гг. был предпринят А. В. Барановым [2] и Л. И. Лакизо [15]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. стали выходить работы без «антисоветского» идеологического наполнения [18; 20]. Важно отметить появление учебных пособий по истории нэпа для студентов вузов, включая электронные [17; 24]. Отдельного рассмотрения заслуживают региональные исследования, в которых изучалась повседневность [1], а также нэп рассматривался как этап модернизации России (СССР) [22].

Практическая значимость данного исследования – в изучении механизма управления социумом и экономикой, который формировался в горниле проб и ошибок в 20-е годы XX в. Выводы, полученные автором, могут быть использованы при написании работ общероссийского и регионального характера.

С учётом социально-классовых особенностей целесообразно выделить в проведении нэпа на Юго-Востоке четыре этапа: весна 1921 – лето 1924; осень 1924 – весна 1926; лето 1926 – 1927; рубеж 1927-1928 гг., в соответствии с которыми выстраивается изложение исследуемой проблемы.

Первый этап (весна 1921 – лето 1924 г.) характеризовался сохранением гражданской войны, продразвёрстки с одновременным введением продналога и, как следствие, силовых методов управления.

В 1921 году разразился масштабный голод, охвативший 35 губерний. Пик его в регионе пришёлся на зиму 1921 – весну 1922 года. В начале 1922 г. на Ставрополье голодало 2/3 населения. Анализ секретных материалов ОГПУ, размещённых в многотомном издании [26], позволяет отойти от мифа о нэпе как всеобщем продовольственном благоденствии. Так, в отчетных материалах за март 1925 г. указывалось на значительное усиление голода: «В Ставропольском округе в одном с. Калиновском имеется 200 человек опухших. В Сальском округе имела место попытка покончить самоубийством на почве голода» [Там же, с. 189]. Голод 1921-1922 гг. можно объяснить рядом причин: 1) мобилизацией трудоспособного мужского, преимущественно казачьего, населения в годы Первой мировой и Гражданской войн; 2) политикой расказачивания; 3) сокращением посевных площадей в связи с продразвёрсткой и засухой 1921 г. [12, с. 319; 29, с. 81-82; 32, с. 207]; 4) угоном скота частями белой армии; 5) заражением чумой крупного рогатого скота, что привело к учреждению 16 июля 1920 г. в станице Константиновской Окружного противочумного комитета [6, д. 485]. В тяжёлых условиях голода реквизициям подвергались не только индивидуальные крестьянские и казачьи хозяйства, но и совхозы. В Донской области были созданы в сентябре 1920 г. дополнительные продотряды для успешного завершения продразвёрстки. Невыполнение норм её вынуждало власти применять административные меры: аресты, конфискации имущества. Принудительные методы и недостаток в посадочном материале привели посевную кампанию 1921 года к провалу. В этих условиях продотряды забирали у крестьян и казаков не только излишки, но и продовольственные и семенные запасы. В мае 1922 г. по Донской области зарегистрировано 1043 случая смерти от голода [27, т. 1, с. 614]. 15 октября 1922 г. в стране объявлено о завершении кампании по борьбе с голодом. В регионе ситуация была более сложной. В стенограмме IX Окружной партийной конференции (1923 г., ноябрь) отмечалось: «...так как развёрстка предыдущего года до голода лишила крестьянское население окончательно всяких продуктов и тем самым усугубила вышеуказанную голодовку», советский административный аппарат, «будучи молодым и не окрепшим, не имел возможности такое явление предупредить своевременно» [31, д. 27, л. 16, 1в]. Анализ материалов по Юго-Востоку свидетельствует о более позднем завершении кампании по борьбе с голодом – после 1925 года. В 1925 г. по Цимлянскому району был зарегистрирован 10421 голодающий [27, т. 2, с. 333].

Разобраться в причинах голода позволит изучение нэпа на микроуровне, возможность остановиться на региональной специфике сценария воплощения его в жизнь. Готовность руководства Юго-Востока приступить к реализации нэпа проявилась не в марте 1921 г. Властям на Дону, Кубани и Ставрополье предстояли разъяснительная работа о сути новой экономической политики и сбор нового урожая летом-осенью 1921 г. Партийно-советские работники после объявления нэпа демонстрировали приверженность военно-коммунистическим методам управления в станицах и сёлах. Изучение регионального материала вносит существенное уточнение в понимание продналога и практику его сбора. Важно учесть, что если продразвёрстка взималась с фактического урожая, то для крестьянско-казачьих хозяйств Юго-Востока при переходе к нэпу было характерно, что продналогом облагалась вся площадь, а не только обработанная. Сдаче продналога упорно сопротивлялось крестьянско-казачье население региона. В передовой статье, опубликованной в газете «Советский Юг», действия руководящих органов оценивались как «акт милости» и отмечалось, что «ВЦИК удовлетворил ходатайство Донисполкома и помиловал всех, осуждённых и отбывающих наказание за невыполнение развёрстки» [28]. Анализ материалов, обсуждаемых на страницах местной периодики, показывает, что к апрелю 1921 года «из развёрстанных по краю 120 миллионов пудов не собрали и половины», «крестьянство осталось должным 65 миллионов пудов хлеба» [Там же]. На Юго-Востоке продразвёрстка была официально отменена в июне 1921 г. на III съезде Советов Дона и было объявлено о сборе единовременного продовольственного наряда: на Кубани норма составила 5 млн пудов [3, с. 38]; на Дону снижена из-за волнений хлеборобов до 643 тысяч пудов [8, с. 42]. 12 июля 1921 г. Краевой экономической совет Юго-Востока России обратился в ВЦИК с просьбой уменьшить налог на 50% для Медвеженского уезда, на 30% – для 11 волостей Ставропольского и других уездов [30, д. 156, л. 56]. Донской областной комиссар по продовольствию направил окружным комиссарам приказ № 202 от 25 августа 1921 года, в котором предполагалось организовать предварительный разведывательный этап, так называемый «период самотёка по выполнению налога». Предлагалось использовать в качестве репрессивного рычага «отряды содействия» [Там же, д. 71, л. 3], регулярные воинские части, которые размещались на постой у налогоплательщиков. К ноябрю 1921 года сбор налога составил лишь 75% после двукратного снижения его размеров [Там же, д. 104, л. 2]. В стенограмме V Донской областной конференции РКП(б) (10-12 декабря 1921 г.) отмечалось, что «наша продовольственная кампания несёт все признаки и черты продразвёрстки» [Там же, д. 67, л. 29, 33]. Вышеизложенные факты

подтверждают, что переход к нэпу в регионе растянулся на два года и произошёл в 1922-1923 гг. По данным архива, члены Донкома РКП(б) в мае 1922 г. свидетельствовали, что «продинспектора политически слабо развиты и мало разбираются в нэпе» [Там же, д. 122, л. 25а]. Важным шагом было введение в 1923 г. единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), который объединял все государственные прямые налоги на крестьян (продналог, подворно-денежный и трудгужналог). При переходе к ЕСХН партийное руководство применило подходящий принцип налогообложения: бедняцкие хозяйства платили минимум или освобождались от налогов, зажиточные хозяйства – по высоким ставкам. Шкала обложения была установлена по доходу на едока, позднее – комбинированная с учётом числа едоков [7, с. 6]. Анализ архивных материалов показывает, что в 1926 г. крестьяне пытались скрыть свои посевы от учёта в станице Ольгинской Донского района [5, д. 50, л. 13 об.]. Таким образом, изучение механизма и практики сбора продналога в казачьих станицах позволяет отказаться от упрощённых подходов размыывания казачества в массе колхозного крестьянства.

Регион стал одним из крупных в России центров борьбы крестьян и казаков против проводимой большевиками политики. С целью нормализации обстановки на Дону, Кубани и Ставрополье были созданы революционные комитеты (ревкомы) – чрезвычайные органы власти. Первые ревкомы возникли в начале 1919 г. в северных округах Донской области. 29 февраля 1920 г. в Москве на I Всероссийском съезде трудового казачества отмечалась необходимость замены революционных комитетов Советами в тех казачьих областях, в которых закончились военные действия. Анализ архивных данных показывает, что в марте 1920 г. в Ростовском, Таганрогском, Черкасском, Миллеровском округах Донской области предполагалось провести работу по выборам в Советы рабочих, красноармейских, крестьянских и казачьих депутатов, так как ревкомы исчерпали свои полномочия [30, д. 3, л. 21]. Однако в 1920-1921 годах на Кубано-Черноморье было создано 700, а в Донской области – 500 ревкомов. Важной особенностью стало параллельное существование ревкомов и Советов на территории Юго-Востока [Там же, д. 4, л. 44]. 31 марта 1920 г. создан для общего руководства Северо-Кавказский ревком. Чрезвычайные органы были наделены военными и административно-хозяйственными функциями. Задачами ревкомов являлись: 1) укрепление аппарата рабоче-крестьянской власти на местах; 2) мобилизация трудящихся на восстановление хозяйства; 3) ликвидация контрреволюции. С прибытием оперуполномоченного ВЧК К. И. Ландера (декабрь 1920 г.) на Дону и Кубани создавался военный режим. Области были поделены на сектора, секции и подсекции, в каждой из которых действовали «тройки» представителей ВЧК по разоружению казаков. В марте 1921 г. в Ростове-на-Дону возникло полпредство ВЧК на Юго-Востоке. Весной-летом 1921 г. очагом мятежей стал Верхне-Донской округ, а на Кубани – район станиц Воронежской и Кавказской. Важно подчеркнуть, что местное население региона находилось под двойным давлением – советской власти, которая военно-коммунистическими методами реквизировала продовольствие, и повстанцев, требовавших политической и экономической поддержки. Основу повстанческого движения составлял крестьянско-казачий социум. Движение «бело-зелёных» стало формой защиты зажиточных и середняцких слоёв казачества от крайностей проводимой в регионе политики «военного коммунизма». На Юго-Востоке сущность повстанческого движения проявилась в выступлении крестьянско-казачьей массы против насилия продотрядов.

Способы умиротворения населения южнороссийских станиц были силовыми. 30 мая 1921 г. Юго-Восточное бюро РКП(б) направило обкомом письмо, в котором предусматривалась в случае сопротивления система заложников. В упорствующие волости и селения Дона и Ставрополя вводились воинские части и выездные сессии Ревтрибунала [Там же, д. 71, л. 3а]. Сохранялись до июня 1922 г. Донпосевкомы (окружные, волостные и станичные), чрезвычайные органы, осуществлявшие помощь в посевной и давление на хлеборобов (крестьян и казаков) [8, с. 41].

Необходимо выявить причины социального и политического противодействия советской власти в регионе, которые обуславливались социально-классовой природой происходивших процессов. На Юго-Востоке в основе лежали земельно-имущественные противоречия: право пользоваться и распоряжаться бывшими войсковыми землями как переселенцев, так и малоимущих старожилков. Более 80% земель Донской и Кубано-Черноморской областей использовало казачество, что превосходило землеобеспеченность «иностранцев» и коренных крестьян. В Циркулярном письме Донского комитета, направленном в 1920 г. окружным комитетам компартии, отмечалось, что Донская область представляла «неблагоприятную почву для нашей партии», так как здесь мало сельскохозяйственного пролетариата и «нам приходится иметь дело с середняком и крестьянином, и казаком» [30, д. 45, л. 14]. В начале 1920-х годов казачество на Юге России составляло от 30% до 50% населения. Советская власть стремилась расслить его по классовому признаку. В течение 1920-х гг. партия большевиков открыто проводила политику расказачивания в регионе, которая прослеживалась в следующих мерах: ликвидации автономии казачьих сообществ; упразднении Казачьего отдела ВЦИК (март 1920 г.) и осуществлении аграрной реформы с целью уравнивать нормы землепользования казаков и иностранцев (опоры большевиков). Анализируя материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г., исследователи привели данные по структуре казачества: 5,3% составляли кулаки, бедняки и батраки – 17,4%, основную массу – 77,3% – середняки [16]. Казакам удалось сохранить свои паевые наделы, которые значительно превышали наделы «иностранцев» (крестьян). Именно этим объясняются замедленная дифференциация казачества и выраженная тенденция «осереднячивания». В середине 1920-х гг. большевистское руководство осуществило комплекс проказачьих мероприятий в русле политики «лицом к деревне», которая была интерпретирована как «лицом к казачеству» с целью распространения просоветских настроений.

Таким образом, анализ социально-классовой природы происходивших на Юго-Востоке процессов и вышеизложенные материалы позволяют выделить ряд особенностей регионального сценария реализации нэпа на первом этапе. Формирование аграрной политики в первые годы его осуществления определялось менталитетом казачества.

Тормозящее влияние на процесс перехода станиц региона к нэпу оказывал голод 1921-1922 гг. на Юго-Востоке, от которого пострадало 1,5 миллиона человек [32, с. 54]. С целью поддержки нуждающихся начали создаваться на Дону комитеты крестьянской взаимопомощи (КОВы) [30, д. 99, л. 113]. В 1921 г. была организована Центральная комиссия помощи голодающим в РСФСР. Голод стал следствием ряда факторов, как отмечалось выше, но важным являлась аграрная и налогово-заготовительная политика большевиков в её военно-коммунистическом варианте, проводимая на Юго-Востоке. Возобновление экспорта зерна в 1923 г. обострило взаимоотношения крестьянско-казачьего населения и государства. Характерной чертой сельского хозяйства Юга России было то, что 50% произведённой продукции хлебоборобы оставляли для собственного потребления. В связи со снижением общего сбора уменьшились товарные излишки казачьих хозяйств на Дону, Кубани и Ставрополье. Кроме того, в 1922 г. отмечалось сокращение посевных площадей. Таким образом, благотворные результаты нэпа начинают проявляться не раньше 1923 г. В этом же году прослеживалась неблагоприятная рыночная конъюнктура: высокий уровень налогообложения лёг основной тяжестью в регионе на середняцкие хозяйства. В 1923-1924 гг. расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары на Юго-Востоке было более значительным, чем по России.

Осенью 1924 – весной 1926 г. отмечалось «расширение» нэпа: советская власть взяла курс «лицом к деревне и казакам», на сглаживание сословных различий между казачеством и крестьянством. Приоритетным являлось то, что взаимоотношения регулировались на основе рыночных принципов и мотиваций: снижение налогов; разрешение аренды; поддержка кооперации; перевод продналога на денежный эквивалент (1924 г.). Партийно-советское руководство в середине 1920-х годов провело комплекс проказачьих мероприятий. В 1924-1925 гг. при комиссии Донского окружного РКП(б) была образована подкомиссия для составления обстоятельного доклада по казачьему вопросу. На I Краевом съезде Советов (январь 1925 г.) выступил А. И. Рыков, объявивший о начале нового периода во взаимоотношениях казачества и советской власти. Сложность ситуации на Юго-Востоке обуславливалась тем, что иногородние демонстрировали враждебное отношение ко всем казакам вообще. В результате бедняки и середняки из казачьих сообществ вместе с «кулаками» были настроены оппозиционно в отношении режима правящей партии, направленного на унификацию сельского населения. Политика «лицом к казачеству» исходила из большевистского понимания его как сословия [Там же, д. 4, л. 18] и не учитывала субэтническую самость. Перевыборы местных Советов в марте 1925 г. должны были восстановить «лишенцев» в избирательных правах и дезавуировать итоги выборов осени 1924 г. На Юге России отмечалась активность «зажиточно-кулацких» слоёв крестьянства и казачества (47,5%) [2, с. 11]. Союзником середняков и беднейшей части казачества в регионе оставались зажиточные хлебоборобы.

В апреле 1925 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), в решениях которого закреплялся новый курс по отношению к казачеству, направленный на его советизацию. Постановлением ЦК ВКП(б) от 30 апреля 1925 г. предусматривались меры по развитию отношений крестьянско-казачьей массы с Советами: восстановление в избирательных правах реэмигрантов; привлечение казачьей интеллигенции в местные Советы; уравнивание в правах казаков и крестьян при поступлении в учебные заведения; пересмотр вопроса о лишении избирательных прав станичных и хуторских атаманов и другие [11, т. 3, с. 237]. В название «Советы рабочих и крестьянских депутатов» было добавлено «казачьих». В 1925 г. правящая партия, учитывая, что в сознании казачества «осталась субъективная убеждённость в его обособленности» [30, д. 3, л. 34], повернула лицо не ко всему, а только социально близкому, что в конечном итоге привело к десловизации этого субэтноса. Социально-политические преобразования были дополнены хозяйственными. Важную роль в «расширении» нэпа сыграли Пленум ЦК и XIV Всероссийская конференция РКП(б) (апрель 1925 г.). Были одобрены: аренда земли на 12 лет; найм батраков; выделение семей из общины на хутора. Однако 29 марта 1926 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) вводились меры, направленные на свёртывание новой экономической политики: повышен сельскохозяйственный налог; возобновлены льготы колхозам; ужесточён курс в отношении кооперации [11, т. 4, с. 341, 348].

На Дону, Кубани и Ставрополье летом 1926-1927 гг. отмечался поворот аграрной политики к свёртыванию нэпа. Рубеж 1927-1928 гг. можно охарактеризовать системным свёртыванием и применением командно-административных методов регулирования. В 1926 году, оказавшемся самым урожайным за 1920-е годы, было получено по стране 4,7 млрд пудов. Государство отказалось скупать хлеб по рыночным ценам, сельские производители не отдали его по «твёрдым». Аграрный кризис перепроизводства 1926 г. вылился в кризис хлебозаготовок. «Чрезвычайщина» в хлебозаготовках 1927-1928 гг. была направлена на Юге России против крестьянства и казачества и стала «генеральной репетицией» сплошной коллективизации. Партийно-советское руководство в регионе стремилось сплотить крестьянскую и казачью бедноту против «зажиточно-кулацких» слоёв и реализовать социально-классовый принцип. Сотрудники ОГПУ фиксировали проводимые «местными властями» и «активистами» из числа батраков и бедняков массовые обыски, произвольные аресты, факты насильственного изъятия всех хлебных излишков» [27, т. 2, с. 754]. Усиление административно-налогового давления заставляло хлебоборобы в конце 1920-х годов вступать в колхозы с надеждой на послабления и государственную помощь. На Юге России политика «чрезвычайщины» вызвала особенно резкий протест земледельцев, так как по сравнению с центральными губерниями крестьянство и казачество отличалось большей зажиточностью. Батраков и бедняков среди казачества было 10-12%. «Чрезвычайные хлебозаготовки» казаки воспринимали как возвращение к расказачиванию. Поэтому казачество более активно, чем крестьянство, выступало против «чрезвычайщины» 1927-1928 гг. Одним из методов протеста стал призыв к созданию «Союза хлебоборобов» с целью защиты прав и интересов земледельцев. В 1928 г. в Багаевском районе Донского округа Северо-Кавказского края «группировка молодых казаков-кулаков» пыталась создать «Союз казачьей молодёжи» [Там же, с. 670]. Спецификой этих объединений в регионе было стремление казаков сформировать узкокорпоративные, сословные организации, что ослабляло единый протест сельских жителей Юго-Востока против режима правящей партии.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**.

Именно регион, в частности Юго-Восток, создавал тот социально-экономический и социально-политический контекст, с которым вынуждена была считаться центральная власть и опираясь на который моделировать свой курс. Масштабный голод 1921-1922 гг. продолжался на Дону, Кубани и Ставрополье до середины 1920-х и оказал тормозящее влияние на процесс перехода к новой экономической политике.

Исследование проблемы позволило изучить нэп на микроуровне, выделить специфику его в регионе и меры партийно-советского руководства на местах: единый продовольственный наряд в размере 10 млн пудов, который был скорректирован и представлял попытку власти продолжать продразвёрстку в завуалированной форме, а также запрещённый товарообмен до осени 1921 года. Переход к нэпу в регионе осуществлялся до лета 1922 года и был скорее декларацией: продналог не выполнен, меры по его сбору оставались военнo-коммунистическими (аресты, конфискации рабочего скота и инвентаря, штрафы). Существенное значение имело различие между декларацией нэпа на X съезде РКП(б) и практикой его реализации на местах. Анализ материала по Юго-Востоку доказывает, что принятие и декларирование рыночных методов хозяйствования не означало их сиюминутного введения. Рыночные отношения стали проводиться в 1923 г. С осени 1924 по весну 1926 г. партийно-советское руководство осуществляло следующие меры: политику «лицом к деревне», отмену фальсифицированных выборов, предоставление возможности для «лишенцев» получить право участия в политической жизни, которые следует рассматривать как поиск путей и методов модернизации страны в период нэпа. На третьем этапе – лето 1926 – 1927 г. – отмечался поворот к свёртыванию новой экономической политики. И наконец, рубеж 1927-1928 гг. можно охарактеризовать системным свёртыванием нэпа, внесением в хлебозаготовки классово-борьбы, что стало началом раскулачивания, и применением командно-административных методов регулирования. Крестьянско-казачий протест в период нэпа, который исследователи объединяют понятием «повстанческое движение», продолжался до осени 1924 года. В стенограмме Юго-Восточного крайкома РКП(б) в сентябре 1924 года отмечалось, что на первый план выходит «борьба с бандитизмом» [30, д. 178, л. 15]. Массовым вооружённым выступлениям крестьянско-казачьего населения против продагентов, продотрядов и партийно-советских структур на Юго-Востоке противостояли уполномоченные, посекомы, ревкомы. Политическое противодействие и социальные конфликты на Дону, Кубани и Ставрополье во многом определялись земельно-имущественными противоречиями, социально-классовой природой происходивших процессов. Экономический и социальный потенциал казачества, его корпоративные связи заставили большевиков в исторических условиях 1920-х гг. временно проявить терпимость. Однако попытки партийно-советского руководства дифференцировать казачество по социально-классовому принципу не удалась. Изучение политического и социально-экономического контекста в 1921-1929 гг. на Дону, Кубани и Ставрополье создаёт более полную картину нэповского общества, актуализирует исторический опыт, который не утратил своего теоретического и практического значения: отношение населения к проводимой из центра политике реформ, повседневным управленческим практикам.

Список источников

1. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южнороссийской деревни в 1920-е годы: монография / отв. ред. А. П. Скорик; Южно-Росс. гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М. И. Платова. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
2. Баранов А. В. Социально-политическое развитие Дона, Кубани и Ставрополья в годы нэпа (1921-1929 гг.): автореф. дисс. ... к. ист. н. Краснодар, 1992. 17 с.
3. Баранов А. В., Еремеева А. Н., Жинкин А. В. История Кубани: в 2-х ч. Краснодар: Перспективы образования, 2011. Ч. 2. С 1917 года до конца XX века. 272 с.
4. Гимпельсон Е. Г. Новая экономическая политика Ленина – Сталина: проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). М.: Собрание, 2004. 303 с.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1198. Оп. 1.
6. ГАРО. Ф. Р-1775. Оп. 1.
7. Единый сельскохозяйственный налог 1923-1934 гг. // Сборник налогового законодательства. М., 1923. Вып. 6. С. 6-10.
8. Иванов В. И., Чернопицкий П. Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920-1937 гг.). Ростов-на-Дону, 1971. 191 с.
9. Измозик В. С., Лебина Н. Б. Нэп: уточнённая хронология (историко-антропологический аспект) // Россия в XX веке: сб. ст. / под ред. В. М. Ковальчука. СПб.: Нестор-история, 2005. С. 60-81.
10. Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов-на-Дону, 1977. 214 с.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1986): в 16-ти т. М.: Политиздат, 1983. Т. 3. 1922-1925. 494 с.; Т. 4. 1926-1929. 575 с.
12. Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2018. 566 с.
13. Конюков И. А. О расслоении крестьянских хозяйств Кубани. Краснодар, 1928. 80 с.
14. Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923. 122 с.
15. Лакизо Л. И. Поиск путей строительства социализма в СССР в 20-е годы. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1991. 70 с.
16. Лакизо Л. И. Характеристика кулачества северокавказской деревни (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1980. № 4. С. 60-61.
17. Миловидова Н. В. Новая экономическая политика в Центральной России в 20-е гг. XX в.: история и современность: уч. пос. для студ. вузов. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. 232 с.
18. Нэп: экономические, политические и социально-культурные аспекты / отв. ред. А. С. Сенявский. М.: РОССПЭН, 2006. 544 с.
19. Орлов И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг.: мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 6. С. 29-41.

20. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 317 с.
21. Осколкова Э. Д. Проблемы методологии и историографии ленинской концепции нэпа. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1981. 192 с.
22. Панкова-Козочкина Т. В. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России / Южно-Росс. гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М. И. Платова. Новочеркасск: Лик, 2012. 268 с.
23. Пономарёв А. А. К характеристике расслоения северокавказской деревни. Ростов-на-Дону, 1925. 90 с.
24. Рогачёва В. Д. Нэп: взгляд с разных сторон. 1921-1929 гг. Курс по выбору [Электронный ресурс]: электр. учебник. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2013. DVD.
25. Смирнский В. И. Население и хозяйство Кубанского округа к началу 1924-1925 г. Краснодар, 1924. 52 с.
26. Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): сб. док.: в 10-ти т. / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2002. Т. 3: в 2-х ч. Ч. 1. 486 с.
27. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939: док. и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918-1922. 864 с.; Т. 2. 1923-1929. 1168 с.
28. Советский Юг. 1921. № 77 (155). 9 апреля.
29. Тикиджян Р. Г., Панкова-Козочкина Т. В. Голод 1921-1922 гг. и 1932-1933 гг. на Юге России: сравнительно-исторический анализ // Историческая память населения Юга России о голоде 1932-1933 гг.: материалы Научно-практической конференции / под ред. Н. И. Бондаря. Краснодар: Традиция, 2009. С. 80-88.
30. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 4. Оп. 1.
31. ЦДНИ РО. Ф. 6. Оп. 1.
32. Чернопицкий П. Г. Голод 1921-1922 года на Дону // Исторические этюды: сборник статей. Ростов-на-Дону: РГУ, 2000. Вып. 4. С. 204-208.
33. Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе: в 2-х т. Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1927. Т. 1. 204 с.; Т. 2. 157 с.

New Economic Policy in the Don, Kuban and Stavropol Regions (Political and Socio-Economic Context)

Kravchenko Galina Valentinovna, *PhD*
Rostov State Transport University
gvkravchenko@yandex.ru

The article aims to describe the socio-economic and socio-political situation in the south-east of Russia in the period of New Economic Policy. Central authorities had to take into consideration local realities when developing political course. Scientific originality of the study lies in the fact that the author analyses New Economic Policy at the micro-level (regional specificity) and considers not only unidirectional influence of central power on the regional socio-economic situation but also multidirectional influence. The conducted research has allowed the author to reveal regional specificity of New Economic Policy realization: introduction of a unified agricultural tax, transition to New Economic Policy delayed for two years, market relations were introduced from 1923. The party and Soviet bodies conducted policy of unification of the rural population, suppressed the “white-green” movement (until the autumn of 1924) and preserved emergency bodies (revolutionary committees, sowing committees).

Key words and phrases: Don; Kuban; Stavropol region; New Economic Policy; agricultural tax.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.8>

Дата поступления рукописи: 31.05.2020

Цель исследования – выяснить социально-экономическое положение крестьянства Воронежской губернии во второй половине XIX – начале XX в. В статье анализируются процессы расслоения воронежской деревни, а также налогообложение крестьянского населения и место выкупных платежей в нём. Выясняются причины крестьянских недоимок и деятельность государства в решении долговых проблем крестьянства. **В результате** доказано, что в связи с низкой доходностью сельского хозяйства, а также периодическими природными бедствиями выкупные платежи ложились непосильным бременем на крестьян. **Научная новизна** исследования заключается в том, что тема выкупных платежей крестьян Воронежской губернии и их места в структуре налогов изучена недостаточно подробно.

Ключевые слова и фразы: Воронежская губерния; крестьянские платежи; выкупные платежи; недоимки.

Мязин Владислав Андреевич
Воронежский государственный лесотехнический университет
v_myazin@mail.ru

Выкупные платежи в крестьянских бюджетах Воронежской губернии XIX – начала XX в.

Актуальность данной темы заключается в том, что дискуссии о причинах российской революции 1917 г. неизбежно приводят к вопросу о положении крестьянства в позднимперской России. И одним из доводов в этой полемике является мысль о том, что русский крестьянин жил очень бедно, зерна едва хватало на пропитание,